

Корецкий Алексей Владимирович

инспектор управления кадров
и воспитательной работы
Краснодарского университета МВД России
тел.: (918) 413-53-10

ИНДИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА В КОНФЛИКТНЫХ ЗОНАХ ЮГА РОССИИ

Аннотация:

Внутриконфессиональная конкуренция и борьба за общественное влияние дестабилизируют обстановку в национальных республиках Юга России. Дифференциация населения по религиозным предпочтениям, по сути дела, формирует социальные общности, однородные по религиозно-идеологическим характеристикам, которые зачастую крайне враждебно воспринимают и политику федерального центра, направленную на укрепление государственности, и политико-идеологические притязания соседей. Возникает своеобразный резонанс стратегий экономического поведения и религиозно-идеологических предпочтений, несовместимых с развитием экономики и укреплением институтов демократии.

Ключевые слова:

Конфессиональный фактор, конфликтные зоны, религия, индикативные характеристики.

Koretskiy Alexey Vladimirovich

Inspector of training and educational work,
Krasnodar University of
Russian Interior Ministry
tel.: (918) 413-53-10

INDICATIVE FEATURES OF RELIGIOUS FACTORS IN THE CONFLICT ZONES AT SOUTHERN RUSSIA

The summary:

Intra competition and the struggle for public destabilizing influence in the national republics in southern Russia. Differentiation of the population by religious preference, in fact, form social communities, homogeneous religious and ideological characteristics, which are often very hostile perceive and federal policy aimed at strengthening the state, and the political and ideological claims neighbors. A peculiar resonance strategies of economic behavior and religious and ideological preferences are incompatible with economic development and the strengthening of democratic institutions.

Keywords:

Religious factors, conflict zones, religion, indicative characteristics.

Республики Северного Кавказа с традиционным исповеданием ислама расположены географически компактно. Большая зарубежная диаспора мусульман, выходцев с Кавказа, и географическая близость исламских государств Ближнего Востока стимулируют активизацию кавказской политики Турции, Ирана, ряда арабских государств. Вполне вероятно общее усиление исламского фундаментализма на Северном Кавказе в результате международных усилий по созданию единого исламского геополитического коридора.

Следует также учитывать происходящие изменения организационных форм объединения мусульман Северного Кавказа. Если, начиная с 1944 г., они были объединены под руководством духовного управления мусульман Северного Кавказа и Дагестана, то в настоящее время идет процесс дробления прежде единого центра на самостоятельные духовные управления (казыяты) и неконтролируемого внешнего воздействия.

Мусульманская конфессия, объединяющая большинство коренных народов Северного Кавказа, является второй по численности на Юге России. Большинство мусульман Северного Кавказа – это сунниты ханафитского и шафиитского мазхабов. В конце XVIII в. на Северном Кавказе получил развитие суфизм, в основном в форме накшбандийского и кадирийского тарикатов, различные вирды которых стали одной из форм этнической идентичности северокавказских народов. В то же время, исключая Дагестан, где ислам утвердился в классической форме, у других народов религиозное сознание носит синкретический характер, в основе которого сохраняется языческая ментальность с разной степенью влияния христианства и ислама.

В 90-х гг. XX в. влияние ислама в республиках Северного Кавказа резко возросло, мусульманские ценности стали восприниматься в качестве основы возрождения горской духовности. При этом, как отмечают специалисты, многие мечети на Северном Кавказе строятся или реконструируются при поддержке диаспор и фондов из арабских стран и Турции. Представители республик проходят обучение в исламских образовательных учреждениях за рубежом (Саудовская Аравия, Египет, Сирия, Иордания, Турция). Развивается также система местного исламского образования. Исламские позиции, кроме Дагестана, сильны среди тюркских народов (карачаевцы, балкарцы, ногайцы), а также в вирдовых структурах чеченского и ингушского обществ. В меньшей степени, как показывают исследования, исламизация затронула адыгов-кабардинцев, черкесов и адыгейцев, у которых этническая идентичность на протяжении XIX – XX вв. преобладала над религиозной. В настоящее время в процессе исламизации республик

Северного Кавказа наблюдаются две тенденции. Одна из них заключается в том, что в настоящее время органы государственной власти в республиках перешли от настороженного отношения к традиционному для Северного Кавказа исламу к его поддержке. Ислам становится составной частью региональных идеологий.

Пример слияния светской и духовной власти на Северном Кавказе подала Чечня. В начале 90-х гг. XX в. политические события в Чечне практически не были ориентированы на ислам, на его использование в государственной и общественной жизни. В это время, как отмечают исследователи, в основном говорилось о возрождении народных традиций, обычаев, образа жизни предков, о национальной самобытности чеченского народа. Много внимания уделялось пропаганде заслуг чеченцев и особенно Шамиля в многолетней войне с Россией в XIX в. Однако по мере роста внутренних противоречий, осложнений отношений с российским руководством, экстремистский национализм в Чечне стал нуждаться в более глубоком обосновании, в идеологии, которая оправдывала бы далеко идущие за мысли. Выход был найден в слиянии светской и духовной власти. В результате была провозглашена Исламская республика Ичкерия, в которой не только российское, но и международное право перестало существовать. Везде и повсеместно стали внедряться законы адата и шариата. Исламизация власти, как отмечают исследователи, в известной степени себя оправдала: она в значительной мере помогла ослабить межтепловые разногласия, усилила влияние центрального руководства, помогла мобилизовать помощь извне, обеспечила поддержку радикальных мусульманских организаций арабского мира и мобилизовала общественное мнение на противостояние с Россией. Результатом стало создание квазигосударства, руководители которого, опираясь на ислам как цементирующую чеченское общество идеологию, перешли к более амбициозным планам – к созданию исламского государства на Кавказе. Именно эта установка привела к вторжению в Дагестан в 1999 г., в Буйнакском районе которого были подготовлены и материальная (в виде долговременных военных укреплений), и идеологическая (в виде ваххабитской общины) базы. Иначе говоря, отмечает Ж.Т. Тощенко, «в обострении ситуации виноват не ислам как таковой, а чеченские националисты, которые напялили на себя одежду его защитников» [1, с. 349].

Другая тенденция в исламизации республик Северного Кавказа проявляется в усилении в регионе исламских течений фундаменталистского толка. При этом наблюдатели отмечают, что в последнее время целые села в своем большинстве или полностью объявляют себя сторонниками фундаменталистских течений ислама. Там действуют шариат, исламские законы. Международные организации больше не признаются, власть принадлежит имаму, духовному лидеру общины, который часто выступает в роли судьи. Во времена джихада, священной войны, некоторые полномочия он передает «амирам», военным руководителям, в подчинении которых в отдельных больших селах находятся несколько сот боевиков.

Джамааты (общины) поддерживают тесные связи с чеченскими сепаратистами, в лагерях которых проходят подготовку боевики из других районов Кавказа. В последнее время многие джамааты имеют свои собственные тренировочные лагеря. Система джамаата лежала еще в основе религиозного государства имама Шамиля, который в середине XIX столетия вырвал на короткое время часть Кавказа из рук царя. Уничтоженные Советами, они стали снова появляться с началом чеченской войны в середине 90-х гг. XX в. сначала в Дагестане, традиционной цитадели ислама на Северном Кавказе, затем на северо-западе региона, прежде всего в Кабардино-Балкарии. Не в последнюю очередь, это происходило и по той причине, что в последнее время здесь передачи на местных языках были сведены до минимума. Иными словами, отмечают эксперты, люди ищут прибежища в исламе и оказываются в большинстве случаев в руках воинствующих шейхов, поскольку просвещенный, проповедующий терпимость ислам приватизировали Москва и главы местных администраций [2].

Появление на Юге России экстремистских течений «северокавказского ваххабизма» способствует формированию у населения русских районов исламофобии и ограничению взаимодействия органов государственной власти русских районов с лояльными мусульманскими общинами.

В условиях экономического кризиса молодежь и маргинальные слои становятся социальной базой для распространения на Северном Кавказе радикальных исламских течений. Предпринятые в последнее время меры по борьбе с «ваххабизмом» ограничили его влияние, однако он уже «пустил корни» и превратился в долговременный фактор этноконфессиональных взаимоотношений, требующих гибкой и взвешенной религиозной политики. При этом исследователи отмечают, что «ваххабизм» в большей мере выступает в качестве дестабилизирующего фактора в самом исламском мире, чем в сфере межконфессиональных отношений, в том числе и на Северном Кавказе [3].

В политическом плане ваххабизм ориентируется на создание на Северном Кавказе независимого исламского государства. В частности, один из идеологов российских ваххабитов М. Тогаев основной целью религиозных сепаратистов считает «создание собственного государства Исламской республики Дагестан в составе Кавказской конфедерации». Эта же цель была провозглашена и в Декларации исламской шурты Дагестана, принятой 10 августа 1999 г., в которой провозглашается «создание независимого исламского государства и джихад за освобождение от вековой российской оккупации» [4].

Сторонники ваххабизма как одного из религиозно-политических течений исламского фундаментализма ищут пути возврата в «золотой век исламской цивилизации» на основе неукоснительного выполнения всеми членами общества предписаний Корана и Сунны в качестве норм не только религиозной, но и светской жизни. Поэтому исламизации предполагается подвергнуть все сферы жизни общества: образование, культуру, науку, экономику, политику. В связи с этим фундаменталисты предлагают очистить ислам от всевозможных нововведений и восстановить его в первоначальном виде. Идеальное исламское общество в представлении фундаменталистов – это общество торжества социальной справедливости, подлинного братства его обитателей, неустанной заботы государства о благо состоянии каждого мусульманина и его семьи. Образцом такого общества является исламская община времен пророка Мухаммеда и четырех праведных халифов.

Исламский фундаментализм нередко отождествляется с экстремизмом. Между тем, он имеет, как отмечают исследователи, по крайней мере, два крыла. Представители одного действуют преимущественно опираясь на силу, считая насилие чуть ли не единственным средством осуществления планов строительства «чистого исламского общества», основанного на принципах социальной справедливости и исламской политической системы правления. Представители другого – умеренного – крыла мусульманских фундаменталистов выступают за мирные, политические способы деятельности, Особое внимание они уделяют пропаганде и исламскому просвещению, отвергая насилие как средство внедрения исламского образа жизни и шариатских норм [1, с. 83].

Позиции приверженцев исламского фундаментализма, в том числе и ваххабизма, сильно отличаются от позиции мусульманского традиционализма, представители которого считают, что ни в области религии, ни в общественной жизни ничего не следует менять и нужно руководствоваться тем исламским учением, которое сложилось к настоящему времени [5].

По мнению некоторых специалистов, конфессиональный фактор создает на Юге России определенные предпосылки к развитию сепаратизма, что обусловлено в первую очередь политизацией ислама и конкуренцией его различных направлений за влияние в обществе. Существующие муфтияты, как отмечают исследователи, в целом, хотя и в разной степени, поддерживают укрепление российской государственности. Однако в муфтиятах в настоящее время отчетливо прослеживается усиление этнополитической составляющей: для верующих особое значение приобретают не только общественно-просветительская и религиозная деятельность муфтия, но и его национальность, и его политико-идеологические взгляды. Обратной стороной этого процесса является ослабление влияния муфтиев на верующих. В целом духовное и политическое лидерство на Юге России сегодня не принадлежит официальным служителям культа.

В то же время, как подчеркивают исследователи, в Чечне и Дагестане влияние суфийских тарикатов значительно выросло. Суфийские тарикаты, независимо от политико-идеологических платформ, по отношению к российской государственности занимают разные позиции – от сдержанного неприятия до открытого противодействия. Эти тарикаты не только принимают активное участие в общественно-политической деятельности, но и выдвигают проекты административного переустройства региона, вплоть до создания новых государственных образований, например, государства мусульман Чечни и Дагестана.

Рост влияния тарикатов и их мобилизационные возможности в отношении верующих определяются использованием традиционных форм самоорганизации населения. Тарикатские общности опираются на так называемые «братства», которые представляют собой фратриальные объединения, восходящие к адатной культуре: «тукхумы» – у чеченцев, «большие фамилии» – у карачаевцев и балкарцев и «братства» – у адыгов. Это существенно ограничивает влияние традиционного ислама на эти объединения.

Большая часть исламских организаций настроена негативно по отношению к России, однако их противодействие национальным интересам России ослаблено ожесточенной конкуренцией за политико-идеологическое влияние в широких слоях мусульманского населения Северного Кавказа. Среди мусульман существуют также противоречия на религиозной почве, например, между последователями традиционных течений ислама и формирующимися общинами фундаменталистского толка.

Исследователи отмечают, что продолжавшаяся в 90-х гг. XX в. ожесточенная борьба религиозных организаций за влияние на мусульман привела к тому, что в настоящее время они стали отчетливо дифференцироваться по религиозно-идеологическим предпочтениям. При этом подчеркивается, что социальная база каждого из религиозных течений становится более однородной, сплоченной (а значит, и более управляемой со стороны духовенства), чем прежде. При этом чем более маргинализирована та или иная социальная группа, тем более популярными в ней являются радикальные формы религиозности. Это, по мнению специалистов, во многом объясняет, почему так быстро распространяется ваххабизм в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, притом, что прежде население этих республик не отличалось особенной религиозностью. Дело заключается в том, что реальная безработица среди трудоспособного населения в возрасте до 35 лет достигает здесь 70%, республиканская система социальной защиты и адаптации населения в ситуации социально-экономического кризиса практически оказалась недееспособной [6]. В этих условиях ваххабитские общины, предоставляя как материальную помощь, так и социально-психологическую поддержку своим членам, становятся все более популярными, причем преимущественно среди балкарской и карачаевской молодежи [7].

В связи с этим эксперты отмечают, что «массовая безработица способствует тому, что вступление в ряды воинственных радикалов начинает казаться хорошей карьерной акцией. Но хотя данная угроза, быть может, усиливается, лишь небольшое число местных жителей мечтает о Северокавказском халифате. Многие из проблем этого региона не имеют никакого отношения ни к религии, ни к этнической вражде» [8].

Кроме того, исследователи отмечают, что ориентация на вооруженное противостояние органам федеральной власти и последовавшие за этим силовые действия правительства, а также социально-политическая нестабильность, рост преступности, пауперизация населения на территориях, подконтрольных вахабитам, дискредитировали ультрарадикальные организации в целом. В результате здесь сложилась своего рода «патовая ситуация», в которой среди достаточно пестрого спектра исламских политико-идеологических течений нет бесспорно лидирующих организаций. Тем не менее, следует признать, что авторитет федерального центра от этого практически не вырос. Это связано с тем, что на смену радикальным религиозно-политическим объединениям приходят националистические организации [9].

Подводя итоги можно отметить, что в целом, как констатируют специалисты, внутриконфессиональная конкуренция и борьба за общественное влияние дестабилизируют обстановку в национальных республиках Юга России. Дифференциация населения по религиозным предпочтениям, по сути дела, формирует социальные общности, однородные по религиозно-идеологическим характеристикам, которые зачастую крайне враждебно воспринимают и политику федерального центра, направленную на укрепление государственности, и политико-идеологические притязания соседей. Если при этом учесть экономические параметры, дестабилизирующие обстановку, то можно утверждать, что хотя конфессиональные факторы и не определяют однозначно негативных тенденций, они все же существенно усиливают действие социально-экономических факторов, отмеченных ранее. Возникает своеобразный резонанс стратегий экономического поведения и религиозно-идеологических предпочтений, несовместимых с развитием экономики и укреплением институтов демократии.

Ссылки:

1. Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки. М., 2003. С. 349.
2. Виндиш Э. Кавказ: Кровавые предвестники «священной войны» («Die Presse», Австрия) // <http://www.inosmi.ru/translation/216842.html>
3. Черноус В.В. Ислам в этноконфессиональной ситуации на Северном Кавказе (вместо предисловия) // Северо-Кавказский юридический вестник. 1997. № 2. С. 3-5.
4. Россия федеративная. М., 2001. С. 141.
5. Нуруллаев А.В. Фундаментализм // Политическая энциклопедия. М., 2000. С. 572-573.
6. Пути мира на Северном Кавказе // Северный Кавказ в условиях глобализации. Майкоп, 2001. С. 87.
7. Милованов Ю.Е. Факторы развития сепаратизма в Северо-Кавказском регионе // Насилие в современной России. Ростов н/Д, 1999. С. 98.
8. Северный Кавказ: Обветшалая окраина империи (The Economist. 11.02.05. Великобритания) // <http://www.inosmi.ru/translation/217138.html>

References (transliterated):

1. Toshchenko Zh.T. Etnokratiya: istoriya i sovremenost'. Sotsiologicheskiye ocherki. M., 2003. S. 349.
2. Vindish E. Kavkaz: Krovavye predvestniki «svyashchennoy voyny» («Die Presse», Avstriya) // <http://www.inosmi.ru/translation/216842.html>
3. Chernous V.V. Islam v etnokonfessional'noy situatsii na Severnom Kavkaze (vmesto predisloviya) // Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik. 1997. № 2. S. 3-5.
4. Rossiya federativnaya. M., 2001. S. 141.
5. Nurullayev A.V. Fundamentalizm // Politicheskaya entsiklopediya. M., 2000. S. 572-573.
6. Puti mira na Severnom Kavkaze // Severnyy Kavkaz v usloviyakh globalizatsii. Maykop, 2001. S. 87.
7. Milovanov Y.Y. Faktory razvitiya separatizma v Severo-Kavkazskom regione // Nasiliye v sovremennoy Rossii. Rostov n/D, 1999. S. 98.
8. Severnyy Kavkaz: Obvetshalaya okraina imperii (The Economist. 11.02.05. Velikobritaniya) // <http://www.inosmi.ru/translation/217138.html>

9. Запрудский Ю.Г. Региональные конфликты на Северном Кавказе // Региональный политический процесс / Отв. ред. В.Н. Коновалов. Ростов н/Д, 2003. С. 52-53.

9. Zaprudskiy Y.G. Regional'nyye konflikty na Severnom Kavkaze // Regional'nyy politicheskiy protsess / Otv. red. V.N. Konovalov. Rostov n/D, 2003. S. 52-53.